РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Р.И. Беккин*

«Я НЕ ЗНАЮ, КАКОЙ ЧЕЛОВЕК АХУН...» (В.С. Соловьев и А. Баязитов: происхождение одного мифа)

Статья посвящена изучению контактов видного религиозного деятеля *ахуна* Атауллы Баязитова (1846–1911) с известными деятелями русской науки и культуры, в частности с философом В.С. Соловьевым. Опираясь на немногочисленные источники, включая материалы, содержащиеся как в опубликованных, так и еще не во введенных в оборот документах, автор попытался реконструировать взаимосвязи между двумя религиозными мыслителями и развеять некоторые мифы об их тесной дружбе и сотрудничестве. Проведенное в таком контексте исследование позволяет расширить представления об отношении определенных групп русского общества к исламу и мусульманам в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: Атаулла Баязитов, В.С. Соловьев, ислам, *ахун*, русская религиозная философия.

R.I. B e k k i n. “I do not know what kind of person akhun is...” (V.S. Soloviev and A. Bayazitov: the genesis of one myth)

The article investigates the contacts of a prominent religious thinker *akhun* Ataulla Bayazitov (1846–1911) with the representatives of the Russian academic and cultural elite, in particular with a Russian philosopher V.S. Soloviev. Resting upon the scarce sources, including materials contained in both published and not yet published documents, the author tried to reconstruct the relationship between the two religious thinkers and explode the myths on their close friendship and cooperation. The research conducted in this connection enables to broaden notions on the attitude of certain groups of the Russian society to Islam and Muslims at the end of XIX - early XX century.

Key words: Ataulla Bayazitov, V.S. Soloviev, Islam, *akhun*, Russian religious philosophy.

Для исследователя истории ислама в России большой интерес представляют связи мусульман с видными представителями русского общества. Пожалуй, главной трудностью, с которой сталкивается ученый, работающий над этой проблематикой, – это дефицит материалов. Скупые упоминания об отдельных мусульманах, встречающиеся в письмах, воспоминаниях и других источниках,

* *Беккин Ренат Ирикович* – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН; *e-mail*: bekkin@mail.ru

не проясняют картины. При этом речь идет преимущественно о регионах со значительным мусульманским населением – таких, как Крым, Кавказ, Поволжье, Средняя Азия. Если же говорить о столице империи – Петербурге, где на рубеже XIX и XX столетий проживали свыше 5000 мусульман, то информацию о контактах мусульман с другими жителями города приходится собирать по крупицам. Это замечание касается прежде всего источников на русском языке, однако с рядом оговорок справедливо и в отношении документов на языках мусульманских народов.

Недостаток информации приводит к тому, что некоторые авторы вместо фактов, подтвержденных ссылкой на достоверные источники, приводят свои домыслы и предположения. В результате возникают мифы, которые без каких-либо комментариев и пояснений со стороны исследователей-компиляторов перекочевывают из одной работы в другую.

Один из таких мифов – о якобы существовавшей близкой дружбе между петербургским *ахуном* А. Баязитовым и философом В.С. Соловьевым.

Атаулла Баязитов (1846–1911), учредитель первой татарской газеты «Нур» и один из инициаторов строительства Соборной мечети в Петербурге, может быть назван, пожалуй, самым известным в среде деятелей русской культуры конца XIX – начала XX в. мусульманином. Интерес к фигуре Баязитова в русском обществе был вызван благодаря опубликованным на русском языке работам «Возражение на речь Э. Ренана» [*А. Баязитов*, 1883], «Отношение ислама к науке и иноверцам» [*А. Баязитов*, 1887], «Ислам и прогресс» [*А. Баязитов*, 1898]. Публицистическая деятельность *ахуна*[1] привлекала к себе внимание не только мусульман, но и других подданных империи[2]. Однако в научной литературе этот вопрос практически не затрагивался. Фигура Баязитова рассматривается исследователями исключительно в контексте внутримусульманских связей[3].

---

[1] В 1880–1890-е гг. Баязитов публиковался в «Санкт-Петербургских ведомостях», «Голосе» и других русских периодических изданиях.

[2] В своем «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» С.А. Венгеров отмечает: «Баязитов принадлежит к числу тех весьма редких представителей мусульманства, которые хотели бы примирить принципы новейшей цивилизации с духом Корана. Желание показать русской публике, что мусульманство вовсе не есть оплот мрака и невежества, было главным стимулом, побудившим Баязитова выступить на русском литературном поприще» [Критико-биографический словарь..., 1891, с. 284].

[3] Так, например, Р.Р. Шангараев, исследователь научной и просветительской деятельности А. Баязитова, пишет о том, что Баязитов был «известен как крупнейший религиозный и государственный деятель, начавший служить одновременно и на религиозном, и на государственном поприще, заслуживший всероссийскую славу талантливого публициста, плодотворного журналиста, активного

Между тем изучение контактов Баязитова с видными фигурами из среды немусульман может быть полезно не только для воссоздания биографии самого *ахуна*, но и для понимания отношения определенных групп русского общества к исламу и мусульманам в конце XIX – начале XX в.

Философ и поэт Владимир Сергеевич Соловьев живо интересовался исламом. Его книга «Магомет, его жизнь и религиозное учение», опубликованная в 1896 г., и в наши дни высоко оценивается специалистами [*С. Коростелев*, 2015. № 4 (17), с. 5]. По мнению некоторых исследователей, Соловьев был многим обязан Баязитову при подготовке к печати данной работы: «Биографический очерк Соловьёва “Магомет, его жизнь и религиозное учение” во многом был написан при участии и под влиянием Баязитова, уже имевшего опыт описания жизни пророка (1881)» [*Гафаров А.А.*, *Набиев Р.А.* 2014, т. 156, кн. 3, с. 85–93][4]. Другие авторы, не приводя никаких доказательств, утверждают, что Соловьев был частым гостем в доме Баязитова[5]. Источником некоторых мифов о Баязитове послужила статья в газете «В мире мусульманства» за подписью некоего С., опубликованная вскоре после смерти *ахуна*. Вот, что, в частности, говорилось об отношениях Соловьева и Баязитова: «Владимир Соловьев был одним из близких друзей Ахунда Баязитова. В сочинении Вл. Соловьева «Магомет и его жизнь» (изд. Павленкова) очень много сведений написано под влиянием А. Баязитова» [*С. Ахунд Баязитов*, 1911, № 4, с. 3].

О характере отношений петербургского имама и русского философа из документальных источников известно крайне мало. Основным источником, имеющимся в нашем распоряжении, являются либо письма, написанные самим Баязитовым [Письмо А. Баязитова к В.С. Соловьеву], либо те, в которых в качестве адресата или автора выступал В.С. Соловьев [Письмо В.С. Соловьева к В.Л. Ве-

---

педагога-просветителя, мыслителя, дальновидного организатора общественной активности мусульман» [*Р.Р. Шангараев*, 2015, т. 11, № 4, с. 156]. Однако далее в указанной статье он ограничивается лишь рассмотрением некоторых взглядов Баязитова из книги «Возражение на речь Эрнеста Ренана “Ислам и наука”».

[4] Иными словами, в глазах авторов цитируемой статьи уже сам факт существования брошюры Баязитова о пророке Мухаммаде, опубликованной в 1881 г. на татарском языке, является достаточным аргументом в пользу тезиса о том, что Соловьев пользовался услугами Баязитова как консультанта при написании своего «Магомета».

[5] Так, например, Ф.Г. Газизуллин указывает, что Баязитов «был принят в высших правительственных кругах, пользовался большим авторитетом в научном сообществе. Достаточно сказать, что ложа № 11 в Мариинском театре, предоставленная семье Баязитова, находилась рядом с ложей Николая II. В его доме бывали министры, ученые (Витте С.Юл., Гаспринский Исмаил-бей, Соловьев В.С. – религиозный философ и др.)» [*Ф.Г. Газизуллин*, 2013. № 4 (48), с. 77].

личко, 1908, т. 1, с. 210]. Другой важный источник – биография В.С. Соловьева, написанная В.Л. Величко [*В.Л. Величко*, 1902].

Опираясь на данные немногочисленных источников, а также на другие материалы, содержащиеся как в опубликованных документах, так и в тех, что еще не введены в оборот, мы попытаемся реконструировать отношения между двумя религиозными мыслителями – В.С. Соловьевым и А. Баязитовым.

В конце 1880-х – начале 1890-х гг. в Петербурге и Москве наблюдается возрождение литературных салонов и кружков [*С.К. Сапожков*, 2001, № 48]. Один из таких кружков собирался на квартире у Марии Георгиевны Муретовой (ум. 1912). Муретова была дочерью французского аристократа, графа Г. де ла Барта и женой надворного советника Д.В. Муретова. После смерти мужа в 1887 г. она переехала в Петербург. Здесь Муретова близко сошлась со своим двоюродным братом, поэтом и журналистом В.Л. Величко (1860–1903), став его женой[6], подругой, соратницей.

Участниками литературного кружка Муретовой-Величко были в разные годы философ и поэт В.С. Соловьев, писатели Н.С. Лесков, Д.Л. Мордовцев и А.К. Шеллер, живописцы И.Е. Репин и Н.Н. Каразин, профессора А.Н. Веселовский и А.М. Ладыженский, композитор Г.А. Лишин и др. [*Ф. Де-ла-Барт*, 1912, т. 2, кн. 1, с. 9]. Бывал в квартире Муретовой и *ахун* Баязитов[7].

Однако кружок Муретовой-Величко просуществовал недолго и к середине 1890-х гг. фактически прекратил свое существование. Некоторые из его участников, например Н.С. Лесков, перестали бывать у Муретовой из-за разногласий с Василием Львовичем.

В 1896 г. Величко покидает Петербург, где он не один год добивался славы поэта, и уезжает в Тифлис, где вскоре становится главным редактором газеты «Кавказ». До этого времени Величко был известен в литературных кругах как подающий надежды поэт, переводчик произведений персидских, тюркских и грузинских поэтов[8]. После отъезда из Петербурга его начинают больше занимать политические сюжеты, чем лирическая поэзия. Общественная и публицистическая деятельность Величко в конце 1890-х – начале 1900-х гг. дает основание некоторым исследователям

---

[6] О том, что М.Г. Муретова была не только подругой и родственницей, но и фактически женой Величко, знали лишь немногие близкие знакомые (см, например: *Лесков А.Н.* Жизнь Николая Лескова. М., 1984. Т. 2. С. 416).

[7] На это косвенно указывает письмо В.С. Соловьева (1894 г.) (см.: [Письмо В.С. Соловьева к В.Л. Величко, 1908, с. 210]).

[8] Так, например, произведения Омара Хайяма впервые были опубликованы на русском языке в переводе В.Л. Величко: Из Омара Кайяма / Пер. с персид. В. Величко // Вестн. Европы. 1891. Кн. 5. Т. III. С. 319–323.

называть его одним из отцов-основателей черносотенного движения [*А.Д. Степанов*, 2010, с. 14].

Наиболее рельефно метаморфозу, произошедшую с Величко, демонстрируют его письма к издателю А.С. Суворину (1834–1912). Если до поездки на Кавказ Василий Львович хлопочет в основном о судьбе своих литературных произведений, в частности своего самого известного сочинения «Первая муха» [Письма В.Л. Величко А.С. Суворину, л. 1–4 об.], то письма с Кавказа буквально наполнены болью от того, что ему довелось увидеть вокруг [там же, л. 5–8об.]. Главной мишенью критики Величко становится «армянская плутократия».

В своих статьях о положении на Кавказе и в Закавказье он неоднократно подчеркивал, что властям следует делать ставку на мусульманские народы Кавказа, а не на армян, которые являются ненадежными подданными: «Во многих городах восточного Закавказья мусульмане составляют подавляющее *большинство населения*, а между тем они не пользуются в городском самоуправлении одинаковыми правами с армянами под предлогом, что эти последние “христиане”. Таким предлогом можно морочить только людей, имеющих понятие о Кавказе лишь на основании календарных сведений» [*В.Л. Величко*, 1990, с. 115]. По мнению Величко, армянская плутократия, которая преследовала свои корыстные интересы, действовала враждебно по отношению к России. В то же время мусульмане являлись верными подданными империи, и их необходимо было защищать от притеснений со стороны армян [*В.Л. Величко*, 2010, с. 78–79].

В.Л. Величко был сторонником прагматического подхода. Он считал, что политика государства по отношению к тому или иному народу должна зависеть от лояльности представителей этого народа российскому государству, а не определяться принципом крови или веры: «Ограничения прав некоторых групп населения полезны и необходимы в пестроплеменном государстве, но должны вытекать из бытовых условий, а не основываться на формальных признаках. Ограничивать нужно эксплуататоров, стачников, политиканов, людей кагального строя; таковыми же являются именно армяне, а не мусульмане. Христианство без христианской морали есть подделка, и недаром один православный иерарх, знающий Кавказскую жизнь, однажды высказал мне, что считает мусульман по духу и нравственной основе более близкими к православным, нежели монофизитов-армян»[*В.Л. Величко*, 1990, с. 115][9].

[9] В некоторых своих текстах Величко предвосхищал идеи евразийцев, считая мусульман комплиментарными (в терминологии Л.Н. Гумилева) по отношению к русским: «Не надо забывать, что, как выше сказано, разумно направленное

На Кавказе Величко познакомился с бытом местных мусульман, прежде всего закавказских татар (азербайджанцев). На страницах «Кавказа» он неоднократно выступал в защиту мусульман от нападок и провокаций со стороны армян [там же, с. 88]. Но еще в Петербурге Величко живо интересовался мусульманской религией и даже присутствовал на мусульманских богослужениях. В Российском государственном архиве литературы и искусств (РГАЛИ) хранится вырезка из газеты «Новое время» за февраль 1891 г. Это заметка В.Л. Величко о торжественном богослужении с участием муфтия Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) Мухамедияра Султанова и *ахуна* А. Баязитова по случаю визита муфтия в Петербург [*В.Л. Величко*, 1891, л. 1–2].

Предположительно, знакомство Величко с Баязитовым состоялось в самом начале 1880-х гг., когда *ахун* уже служил в Министерстве иностранных дел и получил известность за пределами мусульманской общины города в качестве «просвещенного магометанина». В 1880 г. он был приглашен в МИД в качестве переводчика (драгомана), а в 1888 г. был определен преподавателем тюркских наречий в чине коллежского регистратора [*А. Баязитов*, 1889]. Таким образом, Баязитов совмещал работу имама второго магометанского прихода со статской службой.

Непосредственным начальником *ахуна* в министерстве был востоковед Матвей Авелевич Гамазов[10], управляющий учебным отделением Азиатского департамента МИД. Поначалу, судя по имеющимся в нашем распоряжении источникам, у Гамазова были высокие ожидания в отношении Баязитова. Так, в письме Губайдуллы Чингисхана[11] к Гамазову, написанном в 1888 г., говорится следующее: «Относительно избранника Вашего – учителя, он же вновь испеченный чин я надеюсь Вы не ошиблись в нем, он будет очень стараться заслужить Ваше спасибо» [Письмо Чингис-хана Тору М.А. Гамазову][12]. Несмотря на то что фамилия Баязитова

культурное развитие мусульман неминуемо приведет их к теснейшему сближению с русскими, с которыми они состоят в кровном и в идейном родстве, как показывает вся наша история» [*В.Л. Величко*, 1990, с. 177].

[10] Гамазов Матвей Авелевич (1812–1893) – российский дипломат и востоковед, управляющий Учебным отделением Восточных языков при Азиатском департаменте МИД (1872–1893).

[11] Чингисхан Губайдулла (1840–1909) – российский военный деятель, сын последнего хана Букеевской орды Жангира. В 1888 г. был в звании генерал-лейтенанта.

[12] Письмо генерал-лейтенанта Губайдуллы Чингисхана к М.А. Гамазову датируется 23 сентября 1888 г. Письмо это помимо своего содержания, примечательно тем, что напечатано на пишущей машинке. В 1888 г. машинописные письма были еще большой редкостью. Не случайно Чингизхану приходится в начале своего послания делать необходимое пояснение: «Не удивляйтесь, что я пишу печатными

прямо не упоминается, очевидно, что Чингисхан имеет в виду именно *ахуна*. Не вызывает сомнения, что Чингисхан как мусульманин, проживший значительную часть жизни в Петербурге, не мог не знать Баязитова. Возможно, именно он и рекомендовал Гамазову *ахуна* в качестве переводчика и преподавателя в Азиатский департамент МИД.

Возможно, Матвея Авелевича и устраивало то, что выполнял Баязитова в рамках своих непосредственных служебных обяханностей, но научные опыты *ахуна* точно не встречали его сочувствия. Более того, попытки Баязитова выступать в качестве исследователя вызывали со стороны Гамазова откровенные насмешки.

В письме к А.Н. Пыпину (1833–1904), касающемся реферата «О происхождении названия Саратов» востоковеда М.В. Готовицкого[13], Гамазов писал следующее: «Ахун не намерен уступать г. Готовицкому. Препровождаю к Вам новую записку сего вновь испеченного коллежского регистратора. Поступите с нею по вашему усмотрению. Если эта букворастирательная белиберда покажется Вам не годною к отправке по назначению, потрудитесь предать ее всесожжению. По просьбе моей, Баязитов, в сем последнем произведении, оставил меня, не желающего более принимать участие в подобного рода ломании копий, совершенно в стороне» [Письма М.А. Гамазова А.Н. Пыпину, л. 11–11об.].

К письму Гамазова прилагается записка Баязитова. В ней растолковываются особенности транслитерации арабских и тюркских слов. Также в записке говорится о возведении, по мнению Баязитова, некоторых топонимов к антропонимам: городов Касимова (к имени хана Касима), Астрахани (к имени Аждар хана), Казани (к имени хана Казана) [там же, л. 17об.–18].

Вопрос с транслитерацией арабских и тюркских слов тогда еще не был решен даже на уровне академического востоковедения. Что касается происхождения топонимов, то здесь ситуация сложнее. В случае с Касимовым разногласий между учеными не существовало. Между тем версия о происхождении названия Казани от имени хана Казана, или Газана[14], является дискуссионной и не поддер-

---

буквами, ныне придумали такую машину, что можно скоро писать и притом она забавляет меня на некоторое время» [Письмо Чингис-хана Тору М.А. Гамазову].

[13] Протоколы IV общего собрания Саратовской ученой архивной комиссии / Под ред. Н. Соколова. Саратов, 1887; Протоколы VI общего собрания Саратовской ученой архивной комиссии / Под ред. Н. Соколова. Саратов, 1888.

14 Этой версии придерживался Ш. Марджани: «...нужно думать, что основал его (город) хан сарайский Казан-хан, сын Туган-хана, сына Батый-хана» [*Ш. Марджани*, 1884, т. 1, с. 30].

живается большинством специалистов[15]. Не меньше вопросов вызывает и гипотеза о происхождении названия Астрахани от имени хана Аждара.

Баязитову при его знаниях ислама и восточных языков не хватало европейского образования, являвшегося пропуском в мир науки и делавшего его обладателя не младшим помощником колониального исследователя, а его равноправным партнером. Немногочисленные исключения вроде выдающегося татарского ученого Хусаина Фаизханова скорее подтверждали это правило. Если бы амбиции Баязитова ограничивались должностью руководителя одного из магометанских приходов столицы, то ему вполне хватало бы того блестящего религиозного образования, которым он обладал. Не следует забывать, что имамы в условиях Российской империи были такими же государственными чиновниками, как и сотрудники Азиатского департамента МИД. Но Баязитов не хотел ограничиваться рамками руководителя одного из мусульманских приходов столицы. Со времени своего появления в Петербурге в 1871 г. он методично выстраивал свою карьеру, не ограничиваясь «духовной» сферой. Но здесь от него требовался иной уровень компетенции.

Как видно из приведенных выше свидетельств современников Баязитова, научный авторитет *ахуна* среди профессиональных востоковедов (Гамазов и Готовицкий[16]) был невысок[17]. Сам Баязитов, впрочем, также не жаловал ориенталистов и скептически высказывался об исследованиях В.В. Радлова (1837–1918) и Ф.Е. Корша (1843–1915) [Письмо А. Баязитова к В.К. Трутовскому, л. 1 об.].

Философ Владимир Сергеевич Соловьев не был специалистом по исламу, но ему удалось написать одну из лучших биографий пророка Мухаммада. В связи с этим возникает законный вопрос: коль скоро Соловьев был участником кружка Величко-Муретовой[18] и был знаком с Баязитовым, то не прибегал ли он к помощи *ахуна* при работе над книгой «Магомет, его жизнь и религиозное учение»?..

---

[15] Подробнее об этом см., например: *Кляшторный С.* О времени основания Казани // Татарский мир. 2003. № 8 // URL: www.tatworld.ru/article.shtml?article=81

[16] Готовицкий был выпускником Лазаревского института восточных языков в Москве. Блестяще владел арабским языком и тюрки.

[17] Дело здесь было не в предвзятости русских ориенталистов к инородцу. Достаточно вспомнить имена Хусаина Фаизханова (1823–1866) и шейха Мухаммада Аййада ат-Тантави (1810–1861), которые также жили в Петербурге, но пользовались большим уважением со стороны востоковедов.

[18] По свидетельству брата Муретовой Ф. де ла Барта, с Соловьевым он познакомился на оном из заседаний кружка в 1889 г. [*Ф. Де-ла-Барт*, 1912, т. 2, кн. 1, с. 9].

По свидетельству В.Л. Величко, *ахун* Баязитов был дружен с философом и поэтом В.С. Соловьевым: «Когда он (В.С. Соловьев. – *Р.Б.*) писал для биографической библиотеки Павленкова очерк жизни и учения Мухаммеда... он внимательно проверял каждое слово при помощи авторитетной критики академика барона В.Р. Розена и здешнего гражданского ахуна, почтенного муллы Баязитова, ***с которым затем был дружен до самой смерти*** (выделено мною. – *Р.Б.*)» [*В.Л. Величко*, 1902, с. 184].

Некоторые исследователи идут дальше и, не опираясь ни на какие документальные свидетельства, утверждают следующее: «Биографический очерк Соловьева “Магомет, его жизнь и религиозное учение” (1896) во многом был написан при участии и под влиянием Баязитова, уже имевшего опыт описания жизни пророка (1881)» [*А.А. Гафаров*, *Р.А. Набиев*, 2014, т. 156, кн. 3, с. 88]. Действительно, в 1881 г. была издана книга Баязитова на татарском языке «Мөхәммәд Мостафа (салла-л-лаһу галәйһи вә сәлам) дөньяга килүе вә диннең башлануы»[19]. Однако эта она имеет мало общего с трудом Соловьева и представляет собой богословское сочинение, адресованное совершенно иному читателю[20].

В.С. Соловьев начал работу над очерком «Магомет» в 1892 г.[21] То есть он писал книгу в тот период, когда наиболее активно общался с В.Л. Величко и часто гостил у них с Муретовой [*Ф. Де-ла-Барт*, 1912, т. 2, кн. 1, с. 8–9]. У нас также нет оснований утверждать, что в указанный период, когда Соловьев работал над «Магометом», контакты Величко с Баязитовым прекратились. Таким образом, нельзя исключить того, что Баязитов и Соловьев могли встречаться у Величко и Муретовой.

Однако письма, написанные Владимиром Сергеевичем или адресованные ему, не подтверждают тезиса Величко о дружбе философа с *ахуном*, высказанного Василием Львовичем в биографии Соловьева. «Итак отложите “Магомета” до будущей недели, – пишет Соловьев Величко в 1894 г. ***Я не знаю, какой человек ахун*** (под-

---

[19] *Баязитов А.* Мөхәммәд Мостафа (салла-л-лаһу галәйһи вә сәлам) дөньяга килүе вә диннең башлануы. (Явление на свет Мухаммеда-избранного (Да благословит его Бог и приветствует) и начало религии). СПб., 1881.

[20] К слову, в том же 1881 г. в типографии А.С. Суворина на русском языке был опубликован очерк А.А. Девлет-Кильдеева «Магомет как пророк» (*Девлет-Кильдеев А.А.* Магомет как пророк: Очерк. СПб., 1881).

[21] В письме издателю Ф.Ф. Павленкову от 30 июня 1892 г. Соловьев обещает предоставить рукопись «Магомета» «самое позднее к 20 сентября» того же года [Письма В.С. Соловьева к Ф.Ф. Павленкову (1891–1892), л. 3]. Однако в другом письме Владимир Сергеевич просит дать ему отсрочку до 10 января 1893 г. [там же, л. 6]. К тому моменту, по словам Соловьева, книга была почти написана и ему требовалось для окончания рукописи «12–15 дней исключительно на это посвященных» [там же].

черкнуто мною. – *Р.Б.*), – если он дурно примет эту отсрочку, то, пожалуй, можно в виде компенсации предложить ему читать у нас» [Письмо В.С. Соловьева к В.Л. Величко, 1908, с. 210]. Довольно странная фраза в устах автора книги, который, по словам В.Л. Величко, «проверял каждое слово при помощи авторитетной критики... муллы Баязитова» [*В.Л. Величко*, 1902].

Не менее странно, что в предисловии к книге «Магомет» В.С. Соловьев выражает благодарность барону В.Р. Розену, но даже не упоминает Баязитова [*В.С. Соловьев*, 1992, с. 3]. Даже если предположить, что дружба и активное сотрудничество между Соловьевым и Баязитовым возникли только в 1894 г. на стадии подготовки уже написанной книги «Магомет» к печати, то как в таком случае объяснить то обстоятельство, что в предисловии к книге Соловьев упоминает лишь барона Розена и обходит молчанием «помощь» *ахуна*[22]? Для щепетильного Владимира Сергеевича умолчать об оказанной ему услуге – вещь невозможная[23].

Наконец, в нашем распоряжении есть письмо самого А. Баязитова к В.С. Соловьеву. Оно представляет интерес не только своим содержанием, но и стилем изложения. Поэтому процитируем его здесь полностью, с сохранением особенностей авторской орфографии и пунктуации. Это одно из немногих писем, написанных по-русски рукой самого Баязитова. На других, как правило, стоит лишь его подпись.

«Многоуважаемый
Владимир Сергеевич!

Хороший тон книги мог-бы произвести магометанам привосходный впечатление но помещенная в ней изображение Магомета в таком дурном виде и так неудачно рисованный к сожалению может омрачить прекрасное впечатление, даже мне думается такая неподходящая образ Магомета будет принета многими как-бы нарочно так дурно изображенном в такую ни подходящий вид. Не лучше-ли задержать выписку в свет и выпустить без изображении Магомета, спасти бочку меда от ложки дегтя все таки мудрость.

С искренним почтением

А. Баязитов.

1896-го года. 8-го июля» [Письмо А. Баязитова к В.С. Соловьеву].

---

[22] Не упоминает Соловьев Баязитова и в письмах к издателю – Ф.Ф. Павленкову. В частности, отстаивая свою точку зрения на правильность написания имени пророка как Мухаммед, а не Магомет, Соловьев косвенно ссылается на барона Розена, но не на *ахуна*.

[23] Об этом свидетельствуют многие люди, близко знавшие В.С. Соловьева. Например, его сестра М.С. Безобразова вспоминала, что ее брат «особенно страдал от малейшей измены верности и дружбе и сам исключительно глубоко и сильно чувствовал благодарность за всякую, и даже небольшую, услугу» [*М.С. Безобразова*, 1908, с. 147].

Письмо датировано 8 июля 1896 г. К тому времени уже были опубликованы книги Баязитова «Возражение на речь Эрнеста Ренана “Ислам и наука”» и «Отношение ислама к науке и иноверцам», а также ряд статей научного и научно-популярного характера[24]. В этом ряду можно также упомянуть рецензию на очерк Соловьева «Магомет», напечатанную в газете «Неделя» в сентябре того же 1896 г. [*А. Баязитов*, 1896, № 36, с. 1164–1168]. В рецензии подробно рассматривались достоинства и недостатки брошюры Соловьева. К числу последних был отнесен все тот же портрет Мухаммада работы Лейпцигского гравера Гедана: «Прежде чем сказать что-либо о содержании самой книжки, мы не можем не выразить нашего сожаления по поводу помещения в ней вполне неудавшегося гравированного (с чего?) портрета Магомета; во-1-х, подлинного изображения его совсем не существует, а во-2-х, помещенное изображение совсем не подходит и не соответствует ни тем описаниям наружности пророка, ни тем сведениям о его нравственном укладе, которые сохранила для нас история, как единственные источники. Позволим себе заметить, что лучше-бы было уже поместить портрет Магомета, находящийся в журнале “Звезда”, в № 4-м 1895 года, взятый из академии художеств. Последний, по нашему мнению, более соответствует характеру Магомета по имеющимся преданиям» [там же, с. 1164].

Как существенно разнится язык этого фрагмента с тем, что мы привели выше! Приведенное нами письмо демонстрирует, что его автор владел русским языком как разговорным, но не как письменным. Мог ли человек, столь безграмотно излагавший свои мысли по-русски, обойтись без посторонней помощи при написании своих книг? Ответ очевиден. При подготовке текстов Баязитова на русском языке к печати не обошлось, как минимум, без опытного редактора[25].

---

[24] [По поводу помещенного в одной из газет известия о скором обращении всех в ислам] // Голос. 1882. № 308. С. 3; Вопрос о просвещении инородцев // Восточное обозрение. 1885. № 10. С. 10–11; По поводу мусульманского фанатизма // Санкт-Петербургские ведомости. 1886. № 123. С. 1–2; «Очерк развития религиозно-философской мысли в исламе» С. Уманца. СПб., 1890 // Исторический вестн. 1890. Июнь. С. 668–673; и др.

[25] Некоторые рецензенты обращали внимание на необычные для мусульманина (тем более мусульманского богослова) особенности текста книги «Ислам и прогресс». Так, например, М.А. Миропиев пишет: «При этом весьма интересно, почему г. Баязитов приводит стихи Корана по переводу Николаева с французского перевода Казимирского (М., 1876), а не с более точного перевода, сделанного прямо с арабского текста Г.С. Саблуковым. Это странно, но сделано не без цели, наверно. Это во 1-х. Во 2-х, на каком основании... г. Баязитов, говоря об уважении ислама к Иисусу, называет его «Иисусом Христом»? Ведь Коран не дает ему на это права. Не есть ли это желание подделаться под вкус русской православной публики, для которой написана брошюра?» [*М.А. Миропиев*, 1901, с. 36].

Следует также обратить внимание на то, что в рецензии Баязитова, как и в вышеприведенном письме, ни слова не говорится против употребления Соловьевым имени «Магомет» вместо «Мухаммед», хотя именно этого следовало ожидать в первую очередь от мусульманского религиозного деятеля! Между тем сам Владимир Сергеевич был категорически против названия «Магомет», о чем свидетельствует его письмо к Павленкову: «Но тут опять возникает вопрос с именем. Я уступаю Вам заглавный лист (и следовательно объявления), но стою за Мухаммеда в тексте (с объявлением в предисловии), – не только ради студентов барона Розена, но также и для множества русских мусульман, на которых как на читателей имею основание рассчитывать и которые привыкли писать и произносить не иначе как Мухаммед» [Письма В.С. Соловьева к Ф.Ф. Павленкову, л. 7об.–8].

Письмо Баязитова к Соловьеву (1894 г.) является важным дополнением к цитировавшемуся выше письму Соловьева к Величко [Письмо В.С. Соловьева к В.Л. Величко, 1908, с. 210].

Анализ содержания обоих писем позволяет нам сделать следующие выводы.

1. Как видно из письма В.С. Соловьева к В.Л. Величко, по крайней мере, до 1894 г. Владимир Сергеевич практически не был знаком с Баязитовым (при этом книга «Магомет, его жизнь и вероучение» была закончена вчерне в 1894 г.).

2. Баязитов увидел (или услышал) «Магомета», когда тот был уже написан, и не принимал активного участия в обсуждении книги на стадии ее написания. При этом, как видно из письма Соловьева к Величко, Баязитов мог слышать чтение рукописи «Магомета» и участвовать в его обсуждении наряду с другими слушателями в квартире Муретовой. Однако *ахун* не выступал консультантом Владимира Сергеевича при написании им книги. Это подтверждает и рецензия Баязитова на «Магомета», опубликованная вскоре после издания очерка [*А. Баязитов*, 1896, № 36, с. 1164–1168]. Ничего не говорится об этом сотрудничестве и в переписке Соловьева и Павленкова.

3. Характер письма Баязитова не говорит в пользу того, что между ним и Соловьевым существовала дружба, по крайней мере, до 1894 г. (а содержание предисловия Владимира Сергеевича к «Магомету» то же, что и до 1896 г.). Другие источники (письма, написанные Соловьевым или адресованные ему, мемуары и др.) не подтверждают, что русский философ контактировал с Баязитовым и после 1896 г.

В глазах В.С. Соловьева профессор Санкт-Петербургского университета исламовед барон В.Р. Розен, консультировавший его

при работе над книгой о пророке Мухаммаде, оказался более предпочтительной фигурой, чем имам одного из петербургских мусульманских приходов, безуспешно стремившийся стать своим в научных и литературных кругах имперской столицы. Единственное, что объединяло А. Баязитова и В.С. Соловьева – это критическое отношение к взглядам французского философа Э. Ренана. Но этого было очевидно недостаточно для того, чтобы послужить прочным фундаментом для дружбы и сотрудничества этих двух непохожих друг на друга людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баязитов А. Возражение на речь Эрнеста Ренана «Ислам и наука». СПб., 1883.

Баязитов А. Ислам и прогресс. СПб., 1898.

Баязитов А. Отношение ислама к науке и к иноверцам. СПб., 1887.

Баязитов А. Автобиография // ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Д. 331. Л. 1. 1889.

Баязитов А. Что проповедует ислам? // Неделя. 1896. № 36.

Баязитов А. Избр. труды / Сост. и авт. предисл. А.Ш. Гафурова. Казань, 2007.

Безобразова М.С. Воспоминания о брате Владимире Соловьеве // Минувшие годы. 1908. Май–июнь.

Беккин Р.И., Тагирджанова А.Н. Мусульманский Петербург. СПб., 2016.

Величко В.Л. [О мусульманском торжественном богослужении]. Заметка // Новое время. 1891. Февр. Пометы и комментарий Н.С. Лескова // РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 785. Л. 1–2.

Величко В.Л. Владимир Соловьев: Жизнь и творения: С прил. рис. И.Е. Репина, портр. и факс. СПб., 1902.

Величко В.Л. Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы. Баку, 1990.

Величко В.Л. Русские речи / Сост. предисл. и коммент. А.Д. Степанова. М., 2010.

Гафаров А.А., *Набиев Р.А.* Модернистский дискурс в трудах А. Баязитова (80–90-е годы 19 века) // Ученые записки Казанского ун-та. 2014. Т. 156. Кн. 3.

Де-ла-Барт Ф. Литературный кружок 90-х годов (Из воспоминаний о Вл. Соловьеве, Н.С. Лескове и друг.) // Известия общества славянской культуры. 1912. Т. 2. Кн. 1.

Коростелев С. Михаил Пиотровский: «Именно в серии “ЖЗЛ” вышла одна из самых великих книг» // Вселенная ЖЗЛ. 2015. Ноябрь. № 4 (17).

Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. II. Вып. 22–30: Бабаджано-Бензенгр. СПб., 1891.

Марджани Ш. Очерк истории Булгарского и казанского царства. Казань, 1884. Т. 1.

Миропиев М.А. О положении русских инородцев. СПб., 1901.

Мусульманин. Мусульманство и рационализм // Восточное обозрение. 1883. № 24. 16 июня.

Письма В.Л. Величко А.С. Суворину // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 664. Л. 1–4 об.

Письма М.А. Гамазова А.Н. Пыпину // ОР РНБ. Ф. 621. Д. 189. Л. 11–11об.

Письма В.С. Соловьева к Ф.Ф. Павленкову (1891–1892) // РГАЛИ. Ф. 400. Оп. 1. Д. 40. Л. 3.

Письмо А. Баязитова к В.С. Соловьеву // ОР РНБ. Ф. 718. Д. 39.

Письмо А. Баязитова к В.К. Трутовскому // РГАЛИ. Ф. 890. Оп. 2. Д. 46. Л. 1об.

Письмо В.С. Соловьева к В.Л. Величко // Письма Владимира Сергеевича Соловьева / Под ред. Э.Л. Радлова. Т. 1. СПб., 1908. С. 210.

Письмо Чингис-хана Тору М.А. Гамазову // ОР РНБ. Ф. 172. Д. 121. Л. 1.

С. Ахунд Баязитов // В мире мусульманства. 1911. № 4. С. 3.

Сапожков С.К. М. Фофанов и репинский кружок писателей // НЛО. 2001. № 48 // URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2001/48/sap.html

Соловьев В.С. Магомет, его жизнь и религиозное учение. СПб., 1992.

Степанов А.Д. Предисловие // Величко В.Л. Русские речи / Сост. предисл. и коммент. А.Д. Степанова. М., 2010.

Шангараев Р.Р. Единство традиции и обновления во взглядах петербургского ахунда Гатауллы Баязитова // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11. № 4.